

ОДИН ИЗ 27 МИЛЛИОНОВ

Если бы идеологи гитлеровского рейха прочитали этот очерк Константина Симонова от 7 октября 1943 года, а прочитав, поняли бы его, у них навсегда исчезли бы вопросы, почему советский народ так упорно противостоит носителям «свободы» объединенной Европы.

Да и нынешним «поводырям» к счастливому будущему из ЕС и США стоило бы прочитать и вникнуть. Ведь подвиг Кирилла Матвеевича Кривенкова - это не жест отчаяния, это характер наших народов. Тот самый, который позволяет от раза к разу громить недругов, не позволяя осквернять нашу землю.

Он пришел в село Уть через несколько лет после отмены крепостного права. Пришел в голодный год. И, как тот сброшенный желудь, пророс корнями и поднялся крепким дубом на принявшей его земле.

Мог ли он бросить эту землю? Мог ли оставить на поругание немецкой мерзости? Помня свое тяжелое детство, мог ли он обресть своих внуков и правнуков на такую долю? Кирилл Матвеевич встал на защиту своего дома, своей земли с тем, что было под рукой. Так же, как и все наши народы.

В тот день гитлеровцы сожгли 213 дворов и убили двенадцать жителей села.

**Подготовили
Олег ЗИНЧЕНКО,
Наталья САЙКИНА.**

К. СИМОНОВ

Это было на Гомельщине

Мне рассказали эту короткую историю его сын и его сосед. Рассказали вечером на пепелище сожженной немцами деревни Уть на Гомельщине. Уже начинало темнеть, ветер тянул по земле едкий запах пожара, и кучки красных углей тлели по обеим сторонам дороги там, где еще вчера стояли избы. Кругом голосили бабы по расстрелянным немцами мужикам и сыновьям, плакали дети, в развалинах печек, обжигая руки, рылись старухи, отыскивая среди черепков целые чугуны; а два старика стояли передо мной, опираясь на палки, и, глядя прямо перед собой скорбными, невидящими, слезящимися от дыма глазами, рассказывали мне эту простую историю.

Когда пришли немцы, Кириллу Матвеевичу Кривенкову было от роду 93 года. Восемьдесят с лишним лет назад, в голодный год, он сиротой приобрел в эту деревню и приемышем прижился в одной из сгоревших ныне изб. Он был сиротой, и как ни добро русское сердце, а все-таки сироте нелегко жить на свете, и много лет проливал он пот на этих полях, пока сам стал хозяином — сбил себе избу и завел усадьбу. Все то, что вообще нелегко дается крестьянину в жизни, далось ему вдвойне тяжело. И может быть поэтому или оттого, что он ни разу не отлучался из деревни, Кирилл Матвеевич любил эти места непоколебимой древней любовью труженика и старожилы.

Когда в 1941 году пришли немцы, он, несмотря на многие годы своей жизни, был еще бодрым и сильным. Он сам рубил в лесу и возил дрова, ходил на покос, и его согнутые годами большие плечи все еще были не по-стариковски могучими. Его до старости не покинул шумный нрав человека, выросшего на чужих хлебах и с детства привыкшего постоять за себя. Он был постоянным гостем на свадьбах, крестинах и поминках, он помнил старинные песни, а в веселые минуты оттачивал перед молодыми — молодыми же он считал всех, кому было меньше шестидесяти — шутки, которыми шучивали еще их отцы. Он был живой летописью деревни, и немало людей, которых он, будучи уже взрослым мужчиной, помнил мальчишками, на его глазах горбились и тряхтели, а он все не менялся. Он не сгорбился даже тогда, когда пришли немцы. Только, как заметили сын и сосед, нрав его вдруг переменялся.

Часто постукивая о землю своим тяжелым стариковским дрючком, он угрюмо ходил вдоль деревни, оглядывая ее так, словно видел в первый раз. За долгую жизнь он привык к этим избам, к косогору, спускавшемуся по правую сторону деревни, и к зеленым лугам, уходившим вдаль по левую сторону, по сей час все это не радовало его глаз. Жизнь стала подневольной. Захотят — оставят, захотят — сожгут, захотят — не возьмут корову,

захотят — сведут ее со двора, захотят — проедут мимо на своих черных машинах, захотят — зайдут в хату и будут жить, не спросив. Все, что многие годы он считал своим, — перестало быть своим, стало нераспорядком.

Кирилл Матвеевич день ото дня становился угрюмее, скупее на разговоры и равнодушнее к работе, которую раньше любил. Если что он и делал, так только чтобы прожить, чтобы не помереть с голоду. На второй год войны у него умерла жена, но когда сын попросил его перейти жить к нему в хату, старик отказался.

— В своем доме буду жить, — сказал он. — В моем доме ихней ноге не бывать.

Сын, знавший характер старика, не стал спорить. Неизвестно почему — то ли дом Кирилла Матвеевича был неказист, то ли стоял он на отшибе, то ли просто случайно, — но за эти два года немцы не пробовали ни разу стать к нему на постоя, не заходили, не ставили во дворе у него свои машины. Только однажды, на втором году, малые ребята, надсмеваясь над «полицаями» и ища защиты от них, забежали во двор к Кириллу Матвеевичу. Трое «полицаяв» бросились вслед за ними, но их встретил сам Кирилл Матвеевич. Пягнув голову, широко для упора расставив ноги, держа в руке свой дрючок, он грозно спросил, чего им занало билось на его дворе. Когда же «полицай» захотели проскочить мимо него за ребятами, он преградил им путь... Испуганные, они ничего не сделали ему в тот день и ушли. Но когда Кирилл Матвеевич дня через два вернулся с покоса с двумя большими вязанками травы, на дворе у него не оказалось коровы — забрали «полицай», Кирилл Матвеевич оглядел пустой двор, стряхнул с плеча вязанку травы, проворчал себе что-то под нос, сплел и, тяжело стуча дрючком, пошел в избу. Тут, против обыкновения, не перекрестясь на образа, он молчаливо залег на полати. Было жалко ему коровы, но еще более было обидно, что стар он и нельзя ему ни погнаться за обидчиками, ни сделать ничего против них.

В субботний осенний день 1943 года до деревни донеслась дальняя канонада. К Кириллу Матвеевичу прибежал сын и стал просить старика, чтобы он скрылся в лес вместе со всеми, потому что того и гляди сюда придут немцы и начнут жечь село.

— Выселки уже горят, видишь, горят, — говорил сын и показывал на вышедшие на горизонте дымные столбы.

— Вижу, — сказал Кирилл Матвеевич.

— Идем в лес, сожгут твою избу.

— Не сожгут.

— А вот придут к тебе во двор и сожгут. — настаивал сын.

— А коли придут, я их вилами, — ответил старик. — Я их вилами, а потом нехай излят.

Тут сын заметил, что сидящий на завалянке старик держит вместо обычного дрючка стальные вилы, воткнутое тремя отточенными зубьями в землю. Он раз за разом настойчиво повторял просьбу пойти в лес, но Кирилл Матвеевич упрямо качал головой и со стариковским упрямством повторял одно и то же:

— А вот придут, а я их вилами.

Наконец, когда деревня с другого края уже запылала, оттуда послышался трек автоматов, и сын убежал со двора, чтобы успеть увести в лес своих кричавших и плакавших дочерей и внучат. Кирилл Матвеевич остался ждать.

Дальнейшее воочию видел сосед, который, задержавшись дома, не успев убежать в лес и, заметив немцев, прильнул к земле на огороде позади двора Кирилла Матвеевича.

Ход в избу к Кириллу Матвеевичу был один — через двор. Когда первый немец вбежал во двор, то старик, стоявший с вилами наготове у самой калитки, молча размахнулся и ударил немца вилами прямо в брюхо, в кишки. Немец с разбега сам наткнулся на вилы и упал упирающийся, визжащий, обливающийся кровью. Вслед за ним во двор вскочили еще четыре немца. Видимо, годы все-таки слезали свое: рука Кирилла Матвеевича дрогнула, размахнувшись во второй раз, он не успел никого поддеть на вилы. Четвертого немца повалил его и стал крутить и ломать ему руки. Один из немцев вставил дуло револьвера старику в ухо и застрелил его. Потом они втащили несколько пучков соломы в хату и запылили ее. Но на другом конце села уже строчили автоматы русских разведчиков. Едва успев подпалить хату, немцы побежали дальше, даже не подхватив с собой своего пятого, запоротого виллами.

Так и застали вернувшиеся через полчаса крестьяне на дворе рядом с пылавшей хатой два мертвых тела — лежавшего в луже крови запоротого виллами немца-факельщика и мертвого, со сломанными руками Кирилла Матвеевича, растянувшегося на спине во весь свой огромный рост посреди двора.

Ему было 93 года, когда пришли немцы, и 95, когда он свел с ними свои последние счеты. Он пожертвовал своей старой жизнью, чтобы взять с собой в могилу одного из врагов, надругавшихся над землей, на которой он столько лет жил, не покладая рук работал и которую он любил великой любовью труженика и патриота, хотя, наверное, никогда в жизни ни разу не произнес этого слова.

Это было в деревне Уть Тереховского района Гомельской области на много-страдальной Белоруссии в осенний, пахнущий дымом пожарный день, когда эта земля снова стала нашей.

ГОМЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. (По телеграфу).

НАШ САЙТ

SOUZVECHE.RU

СОЮЗНОЕ ВЕЧЕ

12+

Адрес редакции:
127015, Москва, ул. Новодмитровская,
д. 5а, стр. 8.
Тел. в Москве: +7(495) 777-02-82
(доб. 3343)
E-mail: souzveche@souzveche.ru
220013, Минск,
ул. Б. Хмельницкого, д. 10а.
Тел. в Минске: +375 173110211
E-mail: infong@sb.by

Главный редактор
Светлана Владимировна КАМЕКА
Первый зам. главного редактора
Лариса Павловна РАКОВСКАЯ
Газета зарегистрирована в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия РФ.
Регистрационный номер
ПИ № ФС 7754482 от 17.06.2013

 RU - BY
(Россия - Беларусь)

Учредитель:
Парламентское Собрание
Союза Беларуси и России.
Еженедельная газета
Парламентского Собрания Союза
Беларуси и России

Российский выпуск
№ 48 (1122)
15 - 21 октября 2025 г.

Союзное Вече

Размещенные в газете материалы не подлежат
использованию другими лицами в какой бы
то ни было форме без разрешения правообладателя.
Приобретение авторских прав:
8 (495) 777-02-82 (доб. 8800)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Номер подписан: 14 октября 2025 г. в 16.00
По графику: 16.00

 RUBU. Новости
России и Беларуси

Отпечатано:
ООО «Типография КомПресс-Москва».
Адрес: Нагорное шоссе, д. 2,
Московская обл., г. Химки, 141407.
Тип. № 4095.

Общий тираж 314 427 экз.
Тираж по РФ 300 000 экз.
Тираж по РБ 14 427 экз.

Вече

